

Все герои вымышлены, все совпадения случайны

Пролог

Июнь 2006

Больше всего доктора поразил его вид. Агдавлетов выглядел так, будто минуту спустя собирался выйти на сцену. Идеально белая рубашка, идеально ровный пробор неестественно черных волос. Черные насмешливые глаза. И резким контрастом ярко-красный пиджак. Алый. Лучше всего ему бы подошло определение «алый». Агдавлетов сидел в кресле, положив свободную руку на позолоченный подлокотник. Во второй руке тлела сигарета. На стеклянном столике возле него стояла полная до краев пепельница. Тоже позолоченная. В этой комнате было слишком много красного и золотого, словно ее оформлял тот же человек, который потрудился над интерьерами Большого театра. Доктор не мог отделаться от мысли, что именно в Большом он сейчас и находится.

Увидев гостя, Агдавлетов хотел подняться навстречу. И вот тут морок рассеялся. Той стремительности в движениях, к которой привык каждый ровесник доктора, сотни раз видевший Агдавлетова по телевизору, не было и в помине. В кресле сидел старик. Безупречно одетый, с гордо вздернутым, как всегда, подбородком.

И с отекавшими ногами в домашних тапочках, так не сочетавшихся со строгими костюмными брюками. Ноги его и подвели. Марат Алиевич остался в кресле, досадливо скривившись, но руку для пожатия все равно протянул, с вызовом глянув гостю в глаза.

— Добрый вечер, Борис Аркадьевич. Присаживайтесь. — Он кивнул на второе кресло. — Сегодня чудесный закат, не находите?

Окно в гостиной было раскрыто, тяжелые портьеры, чем-то тоже напоминающие пропитанный пылью и высоким искусством бархатный занавес Большого театра, раздвинуты, так что любоваться закатом Агдавлетов мог в полной мере. А что еще оставалось человеку, который уже полгода не выходит из дома? Доктор ему очень сочувствовал, но меньше всего хотел обсуждать сейчас природные явления, пусть и самые прекрасные.

— Хотите кофе? Мария Алексеевна, будьте любезны!

Голос у него сохранил прежнюю мощь, прокатился по комнате, миновал двустворчатые двери и наверняка достиг ушей супруги. Легендарный семейный и творческий дуэт. Марат и Мария Агдавлетовы. Чаше они выступали поодиночке, но уж если появлялись на сцене вместе, публика просто сходила с ума. Такой простор для фантазии мечтающих о несбыточном советских женщин. Красавец, гений в музыке, еще и всю жизнь верен супруге, красавице Марии.

— Я не хочу, спасибо, — попытался отказаться доктор. — Поздно для кофе. А вам так категорически нельзя и...

— Бросьте, Борис Аркадьевич. Вас и ваших коллег послушать, мне давно уже нельзя ничего, даже дышать.

А хорошая чашка кофе — это единственное, что хоть как-то заставляет меня функционировать.

— Марат Алиевич, давайте без долгих предисловий. Я посмотрел результаты всех исследований. Хотя, признаюсь, предпочел бы даже для предварительного заключения понаблюдать вас в своем стационале...

— Мы уже говорили, это исключено, — на полуслове оборвал его Агдавлетов.

Борис Аркадьевич вздохнул, мысленно сосчитал до десяти. Его предупреждали о непростом характере артиста. Впрочем, гению простительны капризы. Другой вопрос, что в своем деле Борис Аркадьевич тоже гений. Не слишком ли велик процент гениев на квадратный метр? На стене еще и портрет Моцарта. Или Верди. Или Шопена. Вот в музыке он не силен. То ли дело патологии сердца.

— Так вот, Марат Алиевич, даже по тем исследованиям, что были у меня на руках, я могу сказать вполне определенно. Нужно оперироваться.

Агдавлетов невозмутимо щелкнул зажигалкой. Сколько он курит? Пачку в день? Или две? В комнату, позвякивая чашками на блестящем, слишком ярком, как всё в их доме, подносе, вошла госпожа Агдавлетова.

— Кофе по-восточному! И свежайшая шарлотка. Борис Аркадьевич, вы обязательно должны попробовать хотя бы кусочек. Она еще горячая. Марик, прошу тебя, попробуй тоже. Знаете, доктор, он так плохо ест...

Агдавлетов досадливо поморщился. Как странно, когда они вместе стояли на сцене, казалось, что темпераменты в их семье идеально совпадают — страсть плескалась в каждом его аккорде, в каждой взятой ею ноте. А здесь, в домашних декорациях, она была слишком

звонкой, слишком шумной на фоне мрачного, застывшего в кресле супруга.

Доктору стало неудобно. Ему показалось, он присутствует при семейной ссоре, хотя не прозвучало ни одного резкого слова. Напряжение между Агдавлетовыми чувствовалось физически.

— Мария, оставь нас с доктором наедине, пожалуйста. — Марат Алиевич любезно улыбнулся, но и в глазах, и в тоне сквозило недовольство.

Госпожа Агдавлетова, кажется, не обиделась. Должно быть, привыкла. Когда двери за ней закрылись, Марат Алиевич стер с лица дежурно-вежливую улыбку и пристально взглянул в глаза собеседнику.

— Сколько, Борис Аркадьевич?

Доктор оторопел. Судя по обстановке и всему, что он знал об Агдавлетове, финансовый вопрос должен был быть последним, что волновало бы его в таких обстоятельствах.

— Признаться, я не знаю точных цифр. Можно узнать в регистратуре клиники. Я закажу полную калькуляцию. Но мы учреждение государственное, и по медицинскому полису... В конце концов, ваши звания, заслуги тоже должны учитываться, и...

— Сколько мне осталось?

Теперь Агдавлетов уже не скрывал раздражения. Выпрямился в кресле. Смотрел в упор и явно ждал честного ответа. Что ж, Борис Аркадьевич в силу профессии тоже не любил ходить вокруг да около, хотя врачебная этика порой и заставляла.

— Без операции — полгода. Это максимум.

— А с операцией — пара лет?

Прозвучало с насмешкой. Борис Аркадьевич почувствовал некоторое раздражение. Как будто результат его возможного труда — очень нелегкого, между прочим, уже заранее обесценивали. Как будто пара лет — это не много, не стоит внимания. Иные пациенты зубами выгрызают себе несколько дополнительных месяцев, торгуются с неизбежным до последнего. А этот сидит, приценивается.

— Не знаю, Марат Алиевич. Может быть, гораздо больше. Попытаться однозначно сто́ит. Операция в любом случае улучшит качество вашей жизни. Значительно.

По крайней мере, вы избавитесь от отеков и сможете ходить. Не уставать от пары шагов. А там уж как повезет. Все это он хотел добавить, но не добавил. Слишком хорошо умел читать по лицам. Агдавлетов и не скрывал эмоций.

— Боюсь, ваша операция не вернет мне ничего настоящего важного, — произнес артист, закуривая третью или уже четвертую за время их разговора сигарету. — А потому я не вижу в ней смысла.

Он сидел в своем пафосном кресле, такой невозмутимый, будто не произошло ничего особенного. Будто они обсуждали его ближайшие гастроли, которые могут состояться, а могут и отмениться. С видимым удовольствием курил, через две затяжки отпивая по глотку кофе. Для довершения божьего образа не хватало только рояля. Рояль стоял в холле — доктор видел его, когда шел сюда. Борис Аркадьевич чувствовал раздражение. В конце концов он востребованный специалист. Он провел сегодня две операции, отстоял почти шесть часов у стола. А еще текущие пациенты, бумаги, отчеты. Он давно уже мог быть дома. Тоже сидеть в кресле, пусть и не таком роскошном, и смотреть, что там опять вещают в

телевизоре о паводках, урожае и угрозах американцев. А вместо этого вынужден уговаривать маэстро на жизненно необходимую операцию. Ну взрослые же люди...

— Марат Алиевич, времени на раздумья не так много, но оно все-таки есть. Мне кажется, вопрос слишком важный, чтобы рубить сплеча. Подумайте, посоветуйтесь с супругой. В конце концов можно проконсультироваться и у других специалистов.

Ему показалось, Агдавлетов как-то резко потерял интерес к разговору. Взгляд стал отрешенным, сигарета дотлела, и он, чуть не обжегшись, с досадой кинул ее в пепельницу. Рядом с ней стояла изящная фигурка. Пузатый карлик в шутовском колпаке и с мандолиной в руках. Половину лица карлика скрывала маска. Агдавлетов потянулся было к пачке за новой сигаретой, но вдруг передумал и взял карлика. Любовно повертел его в длинных, неестественно гибких пальцах. Жест показался доктору странным, как и неожиданная задумчивость собеседника. Еще одно проявление болезни или действительно для себя все решил? Нет, так нельзя. В конце концов он народный любимец. Пусть и давно не выходивший на сцену. Впрочем, так ли давно? Года два назад доктор его видел в каком-то сборном концерте. Наверняка у него еще есть поклонники. Куда бы они делись? И близкие, которые его любят. Можно попытаться хотя бы ради них. Тем более что шансы есть, и очень неплохие. Возможно, надо зайти с другой стороны, убедить. Вот только Агдавлетов мало походил на человека, которого можно уговорить.

— Обещайте мне, что подумаете. Я позвоню вам через пару дней.

Он дождался кивка, но ощущение, что его не слышали, Бориса Аркадьевича не покинуло.

— Мне, пожалуй, пора.

Еще десять минут потратил на объяснения с супругой. Разговаривали в холле вполголоса. Доктор решил, что она имеет право знать. Кто как не жена может уговорить его лечиться?

Лифта в их доме не было — старинное здание, да и всего пять этажей. Еще одна причина для вынужденного затворничества. Нет, он не жалел Агдавлетова. Скорее, искренне не понимал. Выходя на лестничную площадку, увидел девушку, поднимающуюся навстречу. Бросился в глаза контраст между темной одеждой и ярко-красными розами, которые девушка несла в руках. Барышня наверняка шла со свидания. Надо же, еще встречаются среди молодежи галантные кавалеры? А он думал, все они остались в прошлом веке, во времена его юности.

Уже закрывшаяся было дверь в квартиру Агдавлетовых вдруг снова распахнулась. На пороге показалась Мария.

— Борис Аркадьевич, вы забыли зонт.

Черт, ну конечно. Он постоянно его забывает, а потому предпочитает вообще не носить. Но утро было пасмурным, и жена настояла. Доктор повернулся к двери и услышал быстрый стук каблуков за спиной. Девушка с цветами убегала из подъезда.

* * *

*Газета «Вестник России»,
номер 16 от 28 декабря 2006 года*

«Сегодня на шестьдесят седьмом году жизни после продолжительной болезни скончался известный певец,

Народный артист Советского Союза Марат Агдавлетов. Марат Агдавлетов получил признание как исполнитель эстрадных песен, однако в его репертуаре значительное место отводилось классическим произведениям. Как отмечают друзья певца, заслуженные деятели культуры, Агдавлетов всегда был мостиком, соединяющим академическую и популярную музыку. Марату Агдавлетову удавалось исполнять на советской эстраде мировые шлягеры, однако не чужды ему были и народная песня, и творчество современных композиторов. Его исполнение „Катюши“ и „Подмосковных вечеров“ считается каноническим. В последние годы артист редко выступал, что было связано с состоянием здоровья. Свои соболезнования вдове певца уже выразил Президент России. Прощание с Маратом Агдавлетовым состоится в Колонном зале Дома Союзов 30 декабря в 12 часов дня...»

* * *

*Газета «Слово столицы»,
номер 26 от 29 декабря 2006 года.
Интервью с Народным артистом России
Леонидом Волком*

« — Леонид Витальевич, всех нас поразило известие о кончине Марата Агдавлетова. Вы ведь хорошо его знали? »

— Да, для меня это тоже шок. Я очень хорошо знал Марата, мы вместе работали. Поездки, гастролы, выступления в общих концертах. Последние годы реже виделись — Марат как-то отошел от концертной деятельности. Кажется, уезжал за границу...

— **Вы знали, что он болел?**

— Нет! Не в характере Марата было жаловаться. Даже если с ним что-то такое происходило, знали об этом только самые близкие. Его супруга, я полагаю.

— **Скажите, каким вы запомнили Марата Агдавлетова?**

— Страстным! Понимаете, сейчас на эстраде много артистов и их публика с трудом различает по лицам и именам. А тогда на экране появлялись личности. Так вот, из всех певцов моего поколения Агдавлетов был самым ярким. Самым искренним. Самым пронзительным. Я сейчас говорю вам совершенно откровенно.

— **Вы ему не завидовали? Ведь кажется, что ему так легко все давалось — лучшие композиторы, звания, зарубежные поездки.**

— Мы им восхищались, молодой человек. Мы им восхищались».

* * *

Журналист с первой секунды почувствовал себя уютно. Не дом, а Большой театр. Правда, в Большом театре Артем никогда не бывал, но представлял его себе именно так. Одна люстра чего стоит! Килограммов тридцать, наверное. Три яруса, сотня блестящих подвесок. Таковую мыть замучаешься. Впрочем, что им, артистам. У них же прислуга. Дверь, правда, открыла хозяйка. Вдова. И впервые увидев ее вживую, Артем едва узнал тетку из телевизора. Мама ее очень любила, все выступления смотрела, а в парикмахерской обязательно показывала мастеру фотокарточку Агдавлетовой и просила сделать такую же завивку. Так Артем ее и запомнил — по фото-

графии. В жизни Мария Агдавлетова выглядела гораздо страшнее. Ладно морщины — она даже старше мамы. Но черная подводка по контуру глаз! И черные же глаза. И под глазами черные тени. Платье тоже черное. Фильм ужасов какой-то.

— Снимать будем здесь, — повелительно сообщила вдова, указывая на кресло возле стены. — Напротив окна самое лучшее освещение. Сзади портрет Марата Алиевича удачно дополнит кадр.

Артем хотел сказать, что сам может выстроить кадр. И сам выберет лучшее освещение. И вообще у оператора есть фонарь специальный над камерой. Но возразить не решился. Кажется, этой женщине было невозможно возражать. По комнате идет, как будто по сцене. Спина идеально прямая, подбородок вверх. Что она пытается изобразить? Горе? В той среде, где вырос Артем, горе выглядело иначе. Оно могло быть тихим, затаенным, с перебиранием рубашек отца в неприкасаемом ящике комода. Или громким, истеричным, с попыткой кинуться в разрытую могилу, куда только что опустили гроб с телом брата, погибшего в Чечне. Но такого величественно-театрального горя Артем раньше не встречал.

Поставили камеру, закрепили микрофоны. Артем пристроился напротив и приготовился задать первый вопрос. Но спрашивать ничего не потребовалось. Едва оператор кивнул, что запись идет, Агдавлетова заговорила сама.

— Мы прожили с Маратом Алиевичем двадцать пять лет. Знаете, если есть браки, заключенные на небесах, то наш был именно таким. Наша работа не позволяла нам ежеминутно находиться вместе, но не мешала

ежеминутно думать друг о друге, чувствовать друг друга. Вполне естественно, что, когда он заболел, мне пришлось уйти со сцены. Кто-то должен был о нем заботиться. А сейчас? Сейчас можно было бы вернуться, ведь голос еще есть и поклонники не забыли. Но как, скажите, как я могу петь, если его больше нет?

Монолог получался долгим. И, слушая его, Артем думал, как же сокращать отснятый материал. Агдавлетова говорила так стройно, слова лишнего не выбросишь. Как будто по-писаному. Он сам, закончив журфак не последнего вуза в стране, так бы не смог. И кадр действительно получился красивый. Кресло с золотыми подлокотниками. Любимое кресло артиста, о нем она тоже рассказала. Портрет самого Агдавлетова на заднем фоне. Его пепельница на переднем плане. И забавная фигурка какого-то толстяка рядом с ней.

— Здесь всё как при Марате Алиевиче. И мне кажется, будет правильным сделать в доме музей. Если правительство Москвы откликнется и поддержит эту идею... Я очень хочу, чтобы память о замечательном артисте, гениальном, не побоюсь такого эпитета, музыканте жила. Его инструмент, его костюмы, а главное, его ноты и, конечно, записи могут вдохновлять не одно поколение исполнителей.

* * *

На подготовку передачи ушел почти месяц: пока удалось отловить всех коллег Агдавлетова, на время посленовогоднего затишья разъехавшихся по теплым странам, пока отсняли с ними материал, пока смонтировали. К тому же вдова потребовала, чтобы передачу перед эфиром